Редьярд Киплинг

Возвращение Имрея

Стрикленд

Редьярд Киплинг

Возвращение Имрея

«Public Domain»

1891

Киплинг Р. Д.

Возвращение Имрея / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1891 — (Стрикленд)

«Имрей выполнил невозможное… Без предупреждения, без какого-либо понятного повода, молодой, только что начинавший избранную им карьеру, он решился покинуть свет, т. е. исчезнуть с той маленькой индийской станции, где он жил.Днём он был жив, здоров, счастлив; его видели многие в клубе. Наутро его не оказалось, и никакие поиски ни к чему не привели; так и не удалось узнать, где он находился. Он вышел из своего жилища; он не появился в назначенный час на службе, и его догкарта не было видно на общественных дорогах…»

© Киплинг Р. Д., 1891
© Public Domain, 1891

Редьярд Джозеф Киплинг
Возвращение Имрея

Имрей выполнил невозможное… Без предупреждения, без какого-либо понятного повода, молодой, только что начинавший избранную им карьеру, он решился покинуть свет, т. е. исчезнуть с той маленькой индийской станции, где он жил.

Днём он был жив, здоров, счастлив; его видели многие в клубе. Наутро его не оказалось, и никакие поиски ни к чему не привели; так и не удалось узнать, где он находился. Он вышел из своего жилища; он не появился в назначенный час на службе, и его догкарта не было видно на общественных дорогах. По этим причинам и потому, что он, в микроскопических размерах, причинил затруднение администрации индийской империи, эта империя остановила своё внимание на одно мгновение, чтобы навести справки об участи Имрея. Обыскали пруды, исследовали источники, послали телеграммы по линиям железных дорог и в ближайший морской порт – за тысячу двести миль; но Имрея обнаружить не удалось. Он исчез, и его больше не видели обитатели станции. Потом работа великой индийской империи пошла вперёд быстрым ходом, потому что её нельзя было задерживать, и Имрей из человека превратился в тайну – в предмет разговора за столом в клубе в продолжение месяца, а затем был окончательно забыт. Его ружья, лошади и экипажи были проданы тому, кто дал дороже других. Его начальник написал совершенно глупое письмо матери, где говорил, что Имрей исчез непонятным образом и его бунгало стоит пустым.

Через три-четыре месяца, по окончании периода палящей жары, мой друг Стриклэнд, служивший в полиции, решил нанять это бунгало у его хозяина-туземца. Это было раньше его обручения с мисс Югхель, в то время, когда он занимался изучением туземной жизни. Его собственная жизнь была довольно оригинальна, и люди жаловались на его манеры и привычки. В доме у него всегда было что поесть, но не было определённого времени для еды. Он ел, стоя и расхаживая, то, что находил в буфете, а это нехорошо для человеческого организма. Обстановка его дома ограничивалась шестью винтовками, тремя ружьями, пятью сёдлами и коллекцией больших удочек. Все это занимало одну половину бунгало, а другая была отдана Стриклэнду и его собаке Тайтдженс – громадной рампурской суке, съедавшей каждый день порции двух человек. Тайтдженс разговаривала со Стриклэндом на своём языке; а если, гуляя, подмечала что-нибудь, могущее нарушить покой её величества королевы-императрицы, то немедленно возвращалась к своему хозяину с донесением. Стриклэнд принимал меры, и результатом его трудов были беспокойство, штрафы и заключение в тюрьму других людей. Туземцы считали Тайтдженс домовым и обращались с ней с большой почтительностью и страхом. Одна комната в бунгало была отведена специально для неё. Ей принадлежала кровать, одеяло, плошка для питья; если кто-нибудь приходил ночью в комнату Стриклэнда, она опрокидывала пришельца и лаяла, пока не приходил кто-нибудь со свечой. Стриклэнд был обязан ей жизнью. Однажды, на границе, когда он искал одного убийцу, тот пришёл на заре, чтобы при сером свете её отправить Стриклэнда гораздо дальше Андаманских островов. Тайтдженс схватила этого человека, когда он прокрадывался в палатку Стриклэнда с кинжалом в зубах; после того, как виновность его была установлена перед законом, он был повешен. С этого дня Тайтдженс носила серебряный ошейник и на её одеяле появилась монограмма, а само одеяло было из двойного кашемирского сукна, потому что Тайтдженс была деликатная, нежная собака.

Ни при каких обстоятельствах она не разлучалась со Стриклэндом и однажды, когда он был болен лихорадкой, доставила много хлопот докторам, потому что сама не знала, как помочь своему хозяину, а никому другому не позволяла оказывать помощь. Макарнат, состоявший на медицинской службе в Индии, бил её прикладом ружья по голове до тех пор, пока она не поняла, что надо дать место людям, которые могут больному давать хинин.

Вскоре после того, как Стриклэнд поселился в бунгало Имрея, мне пришлось проезжать по делу через эту станцию, и, так как все помещения в клубе были заняты, я, естественно, поместился у Стриклэнда. Бунгало было очень удобно – в восемь комнат и с крышей, так плотно покрытой соломой, что никакой дождь не мог проникать через неё. Под крышей был натянут холст, имевший вид чисто выбеленного извёсткой потолка. Холст этот заменял потолок. Хозяин выбелил его заново, когда Стриклэнд нанял бунгало. Тому, кто незнаком с постройкой индийских бунгало, и в голову не придёт, что над холстом находится двухскатный чердак, где балки и солома укрывают всевозможных крыс, летучих мышей, муравьёв и разный хлам.

Тайтдженс встретила меня на веранде с лаем, похожим на удар колокола собора св. Павла, и положила лапы на моё плечо, чтобы показать, как рада мне. Стриклэнду удалось набрать каких-то остатков кушаний (он назвал это «ленчем»). Покончив с этим, он немедленно отправился по своим делам. Я остался один с Тайтдженс и с моими собственными делами. Летняя засуха сменилась тёплыми дождями. В разгорячённом воздухе не было ни малейшего движения, но дождь падал на землю и подымался снова вверх голубым туманом. Бамбук, яблони и манговые деревья в саду стояли тихо, а тёплая вода хлестала их; лягушки начали петь среди изгородей из алоэ. До наступления темноты, пока дождь лил всего сильнее, я сидел на задней веранде, слушал, как вода с шумом падала с крыши, и почёсывался, так как от жары у меня появилась особая сыпь. Тайтдженс вышла со мной на веранду и положила голову на мои колени; она была очень печальна. Когда поспел чай, я дал ей сухарей. Чай я пил на задней веранде, так как там было несколько прохладнее. За моей спиной темнели комнаты. Я чувствовал запах сёдел Стриклэнда и масла, которым были смазаны его ружья, и мне не хотелось сидеть среди этих вещей. В сумерках пришёл мой слуга в кисейной одежде, насквозь промокшей и плотно облегавшей тело, и сказал, что какой-то джентльмен желает видеть кого-нибудь. Очень неохотно я пошёл в пустую гостиную и велел моему слуге принести свет. Может быть, кто-нибудь действительно приходил в комнату – мне показалось, что я видел за окном какую-то фигуру, – но когда принесли свечи, там никого не было, кроме капель дождя, ударявших в окна, и запаха влажной земли, который я ощущал. Я объяснил моему слуге, что он не умнее, чем ему полагается быть, и пошёл на веранду поговорить с Тайтдженс. Она вышла под дождь, и даже с помощью осыпанных сахаром сухарей мне едва удалось уговорить её вернуться. Стриклэнд пришёл домой перед самым обедом, промокший так, что вода струилась с его одежды. Первые слова его были:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.